

ТАРАС ФИСАНОВИЧ

ДВАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ В ОККУПАЦИИ

Перед войной мой отец Израиль Ильич Фисанович, военный моряк-подводник, служил в Полярном близ Мурманска, а мать Елена Андреевна Бурьянова училась в Ленинграде в Электротехническом институте имени В.И.Ульянова (Ленина). Когда же к началу 1939 года подошло время родов, мать захотела, чтобы муж был рядом. Она взяла академический отпуск поехала в Полярное, где в военно-морском госпитале я родился 19 января 1939 года. Однако матери нужно было завершить учёбу, а отец должен был выполнять служебные обязанности. Поэтому бабушка Ефросинья Антоновна Бурьянова вскоре увезла меня к себе в Харьков, а мать вернулась в Ленинград заканчивать учёбу. Она окончила ЛЭТИ в мае 1941 года и была распределена в одну из военных судостроительных организаций Ленинграда. В это же время отца направили в Ленинград учиться на курсы помощников командиров подводных лодок.

С началом Великой Отечественной войны отец досрочно окончил курсы и в июле сорок первого года отбыл в Полярное. В августе мать вместе с коллективом своего учреждения эвакуировали в глубокий тыл, в город Ульяновск на Волге.

Продвижение немецких войск на Украину и слухи о зверствах фашистов в отношении еврейского населения побудили мать получить необходимые документы и разрешение вывезти нас в Ульяновск. Добиралась она к нам на нескольких поездах под бомбёжками, последние сутки шла пешком. Но эвакуироваться мы не успели: 24 октября 1941 года Харьков был оккупирован немцами.

Событий тех дней не помню. Знаю о них по рассказам матери и бабушки. В памяти остался единственный довоенный эпизод, относящийся к началу лета 1941 года: бабушка и я спешим на

пригородную электричку по залитому солнцем вокзальному перрону, и она в шутку задаёт зарифмованный вопрос: «Тебе пироженое или мороженое?».

«Пироженое или мороженое»... Уже спустя месяц мы люто голодали. Чтобы не работать на немцев в качестве инженера, мать представилась студенткой первого курса и была послана работать уборщицей в детский дом. Вскоре детский дом закрыли: оккупанты не собирались кормить сирот. Чтобы мать не угнали на работы в Германию, бабушка достала ей противомаларийный препарат акрихин. Искусственно вызванная приёмом избыточных доз акрихина желтуха позволяла симулировать инфекционный гепатит. Это давало освобождение от мобилизации на работы в Германии. В эти же месяцы же я тяжело болел корью. Потом долго кружилась голова и не держали ноги.

Запомнил встречу Нового, 1942-го года. Был жуткий холод. Мы втроем жили в самой маленькой из трёх наших комнат. Промёрзшее окно завесили одеялом. На «праздничном» столе стояла сделанная из снарядной гильзы коптилка и два блюдечка. В одном лежало несколько оладий из картофельных очисток, подобранных у немецких солдатских кухонь. В другом был тонкий слой рыбьего жира и 3 (по одной на каждого из нас) засохшие красные икринки, неизвестно как раздобытые бабушкой.

Наши соседи успели эвакуироваться. Однако кто-то донёс немцам, что Бурьяновы прячут сына еврея. В первой декаде января к нам домой пришёл немецкий офицер в чёрной униформе и вооруженный винтовкой полицей, выполнявший функции переводчика. Услышав, что меня хотят забрать, я громко заплакал, стал вырываться из рук пришедших и тогда один из них ударил меня ногой в подбородок. Я упал и потерял сознание. Из раны на подбородке обильно потекла кровь. С тех пор на память остался знак – шрам на подбородке. Крики женщин смутили пришедших. Нести перепачканного кровью жидёнка им не хотелось, и они ушли, приказав рано утром следующего дня привести меня на пункт сбора евреев.

События этих дней выпали из моей памяти. По-видимому, развилась ретроградная амнезия вследствие тяжёлого сотрясения головного мозга.

Перед смертью мать рассказала мне, что после ухода фашистов она рыдала, не видя выхода из создавшегося положения. Бабушка остановила кровотечение и зашила рану. Ночью, в мороз выше 20°, она каким-то чудом миновала полицейские заставы и на санках увезла меня в глухое по тем временам село Зачепиловка, проделав более чем стопятидесятикилометровый путь пешком. Немцы за укрывательство евреев могли запросто повесить. Поэтому оставшаяся в Харькове мать сменила квартиру, переехав на Пушкинский въезд. До этого мы жили на улице Ольминского. Вероятно, в известной мере положение облегчало то, что мать и я в Харькове не были прописаны. Уйти с нами без разрешения Харьковской управы мать не могла: первый же жандармский патруль задержал бы её, молодую женщину, как уклоняющуюся от мобилизации на работы и, конечно же, потребовал бы и моё метрическое свидетельство.

Мать старалась избежать отправки в Германию, продавая пожитки и покупая на вырученные деньги фальшивые справки о заболевании печени. Справки приходилось обновлять каждые три месяца. Бабушка же, до войны работавшая в Харькове ортопедом-травматологом, устроилась в зачепиловскую амбулаторию.

В Зачепиловке мы жили в одноэтажном двухквартирном кирпичном доме близ амбулатории. Нашими соседями была семья пожилого терапевта, одновременно исполнявшего обязанности заведующего амбулаторией. Быт постепенно налаживался. Мы могли бы дожить там до прихода Красной Армии, если бы не произошло следующее событие. По рассказам бабушки, к ней на приём пришёл пациент с пулевым ранением. Выяснять, как и почему произошло ранение, бабушка не стала. И так было ясно, что пациент находится в конфликте с оккупационной властью. Бабушка перевязала его и спрятала в каком-то закутке при амбулатории, а вечером снабдила едой и бинтами и велела уходить. На окраине села он был арестован и на допросе рассказал, что его «лечувала та ховала докторша».

Объясняя последующие события, бабушка говорила, что допрос вели немцы. Скорее всего, слово «докторша» по строгим канонам перевода было переведено как «жена доктора». Ночью мы проснулись от шума подъехавшей машины, криков и ударов в двери соседей. Арестовали жену доктора. Разбудив меня и схватив то, что подвернулось под руки, бабушка тотчас выскользнула из дома. За сутки мы прошли тридцать с лишним вёрст до сельца Руновщина, где не было ни немцев, ни полицейев.

Устроившись в Руновщине, мы жили там до февраля 1943 года. Весть об освобождении

Красной Армией Харькова из-за отдалённости села пришла с опозданием. Мы смогли добраться до Харькова незадолго до его второй оккупации немецкими войсками.

Оккупационный режим при втором приходе немцев, по рассказам матери, был ещё более суровым. Немцы были крайне озлоблены и совершенно не церемонились с населением. Я видел подвешенных на балконных решётках в мешках, надетых на голову, казавшихся неузнаваемо бесформенными, нечеловеческими. Помню мой вопрос: «Шо це таке, мамо?», и её ответ: «Не дивись, синку, то повішені...».

В эти дни меня на улицу старались не выпускать. Мы жили всё в той же двенадцатиметровой комнате с окном во двор. Меня старательно прятали. Я всё время находился между стенкой и кроватью, без крайней нужды не покидая это убежище. Да и взрослые старались лишний раз не выходить из дому. Через пару недель бабушка опять отвезла меня в Руновщину.

В то время, когда бабушка со мной скрывались в сёлах, мать сумела достать для меня фальшивую метрику, свидетельствующую, что я Фисанов Тарас Илл'ович (т.е. Ильич), украинец, православный.

Бабушка со мной скрывалась в Руновщине до окончательного освобождения Харькова. На этот раз мы были заранее «извещены» о приходе наших. На востоке днём и ночью гремела артиллерийская стрельба. Мимо Руновщины непрерывно катили отступающие немецкие войска. Чтобы не быть угнанными в Германию, жители села спрятались в неоглядном кукурузном поле. Несмотря на августовскую жару и изнуряющую жажду мы не осмеливались выходить за водой из укрытия. До сих пор помню многодневную неимоверную жажду.

Освободили Харьков от немецких захватчиков 23 августа 1943 года, но бои вокруг города продолжались до последних дней августа. Как мы добирались до Харькова, не запомнил. На глазах изменялась жизнь. Оставив лёгкую светомаскировку, с окон сняли одеяла. Теперь мне можно было выходить на улицу, играть с детьми соседей. Открылись детские сады и школы. Меня определили в детский сад, где обучали английскому языку. Помнится, мы хором пели песенки на слова Бёрнса.

В сентябре сорок третьего к нам принесли письмо от отца. Из письма мы узнали, что отец, Герой Советского Союза, командует дивизионом подводных лодок. Все эти годы он разыскивал нас, порой теряя надежду увидеть нас живыми. Осенью сорок третьего года отец выхлопотал разрешение привезти жену и сына в Полярное. Дорога на Север в те военные годы шла кружным путём через Москву, Киров, Вологду. Наконец прибыли в Мурманск. Запомнились сырая и холодная темень на перроне, схвативший меня в охапку офицер в чёрной флотской шинели, которому я, боясь ошибиться, тихо сказал: «Папа!». Не скрывая бурной радости, отец стиснул меня в объятиях. Затем по штормящему Кольскому заливу мы на военном катере добрались до Полярного. Испытание штормом далось мне нелегко, и во время сорокамильного перехода отец несколько раз выводил меня из каюты на палубу катера, говоря, что морская выучка приходит с годами.

Если вычесть недели и месяцы, которые отец проводил в море, то время моего общения с ним составило примерно три месяца. Отец погиб 27 июля 1944 года в Северном море, командуя полученной у англичан подводной лодкой В-1 во время перехода из Великобритании в Советский Союз.

Согласно рассекреченным в 2005 г. документам Британского Адмиралтейства английский самолёт береговой охраны бомбардировал лодку И.И.Фисановича по ошибке. Эти сведения были засекречены личным распоряжением У.Черчилля ввиду предстоящих переговоров с И.В.Сталиным, а уклончивые ответы англичан на запросы Советского командования о судьбе подводной лодки В-1 долгое время служили основанием для различных инсинуаций в советской печати послевоенных лет.

1.04.2013

Перед текстом моя фоторграфия (цветная). Гамбург. 2012

После текста:

Вверху фото с бабушкой Ефросиньей Антоновной Бурьяновой. Ленинград. 1949.

Внизу моя фотография (чёрно-белая). Гамбург. 2012

